

Д.В. Давыдов

На Ереванской границе

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д13

Д13 **Давыдов Д.В.**
На Ереванской границе / Д.В. Давыдов – М.: Книга по Требованию, 2014. –
38 с.

ISBN 978-5-458-12065-4

Издание В.А.Березовского

ISBN 978-5-458-12065-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

оверкающей всёми красотами чудной южной степи. Вдали видѣлись окаймлявшіе степь дремучіе бомбакіе лѣса; за ними вставалъ высокій хребетъ Безобдала, и, извиваясь, какъ змѣи, бѣжали черезъ него дороги и въ Эривань, и въ Гумры, и въ Ахалцыхъ. Чудная картина раскинулась передъ Давыдовымъ, отражаясь въ его чуткой поэтической душѣ. Вся необозримая даль окаймлялась высокими, уже запорошенными снѣгомъ горами, и въ то время, какъ на одиѣхъ угасали послѣдніе отблески вечерней зари, другія каменные громады еще обливались розовымъ свѣтомъ, кидая отъ себя голубыя тѣни. Еще восхитительнѣе смотрѣли горы въ блѣдномъ сіяніи лунныхъ ночей, когда мѣсяцъ восходилъ на небосклонъ и тихо плылъ надъ разстилавшимся подъ нимъ океаномъ снѣжныхъ вершинъ. Но вотъ, все ближе и ближе становились Безобдальскія горы, и 15-го сентября передъ Давыдовымъ развернулась картина русскаго лагеря.

Давыдовъ принялъ начальство надъ отрядомъ.

Теперь передъ нимъ была не легкая задача — изгнаніе врага, который сравнительно былъ многочисленъ и дерзокъ. За хребтомъ Безобдальскимъ, въ опустошенныхъ земляхъ Бомбака и Шурагели, рыскали толпы полудикихъ всадниковъ, подъ общимъ предводительствомъ Гассанъ-Хана, брата эриванскаго сардаря. За ними, на горахъ, лежащихъ около

озера Гокчи, стоялъ съ большими силами самъ сардаръ, только присутвіемъ Ермолова на Гассанъ-Су удержанный отъ наступленія въ тылъ Паскевичу, — отозвавшій свои конные полки, когда они уже были на елисаветпольской большой дорогѣ.

Къ счастью, среди персіянъ уже начиналась деморализація, вызванная слухами о елисаветпольскомъ погромѣ. Врагъ переставалъ быть страшенъ. Его аванпосты стояли еще на высотахъ Безобдала, но уже чувствовалось, что при первомъ движеніи русскихъ впередъ, персіяне не будутъ защищаться и побѣгутъ. Давыдовъ черезъ два дня назначилъ походъ. Предстояли наступательныя дѣйствія, и на первый разъ рѣшено было занять Миракъ, какъ пунктъ, отъ котораго началось отступленіе русскихъ. Къ вечеру 18-го сентября всѣ распоряженія къ походу были кончены, и въ лагерѣ настало молчаливо-тревожное затишье, полное думъ о завтрашнемъ днѣ, который для многихъ могъ стать послѣднимъ днемъ жизни. Вотъ заиграли вечернюю зарю; застучалъ барабанъ на молитву, рѣзкою нотой отозвалась ему казачья труба за высокимъ холмомъ, гдѣ стояли донскіе шатры, и, благоговѣнно перекрестясь на звѣздное небо, солдаты въ послѣдній разъ улеглись въ своихъ походныхъ палаткахъ. Наступила темная южная почъ.

На утро все встрепенулось, все двинулось впе-

редь. Непрiятельскiе аванпосты тотчасъ же исчезли съ высотъ Безобдала, и русскiя войска поднялись на снѣговой хребетъ и спустились съ него въ Бомбакскую долину безъ выстрѣла. Непрiятель и тамъ повсюду отступалъ, зажигая траву и оставляя за собою черныя, покрытыя горячимъ пепломъ поля. 20-го сентября, подѣ Амамлами, дошцы и грузины настигли куртинскую партiю—и произошла горячая кавалерiйская сшибка. Еще день — и Давыдовъ, 21-го сентября, въ виду горъ заоблачнаго Алагеза, увидѣлъ четырехъ-тысячный отрядъ самого Гассанъ-Хана, стоявшiй на крутой каменистой возвышенности. Крѣпкая позицiя его упиралась правымъ флангомъ въ Миракскiй оврагъ, лѣвымъ — въ отроги Алагеза. Русскiе повели нападенiе. Бой началъ полковникъ Муравьевъ. Онъ оттѣснилъ персидскую конницу и, поставивъ орудiя на высотахъ лѣваго берега Башъ-Абарани, принялся громить правый непрiятельскiй флангъ; а въ это время рота карабинеровъ взбиралась по крутизнамъ Алагеза и уже заходила въ тылъ персiянамъ. Непрiятель дрогнулъ и бросился въ лощину рѣчки Миракъ, ища спасенiя въ бѣгствѣ... Самъ Гассанъ-Ханъ съ остаткомъ своей конницы укрылся въ оврагахъ Алагеза.

Миракское дѣло, незначительное въ чисто военномъ отношенiи, было тѣмъ не менѣе весьма важно по своему влiянiю на персiянъ, что не замедлило

сказаться въ послѣдствіяхъ. Нравственная сила врага была сломлена сразу, и самъ сардаръ, со всеѣми своими войсками, поспѣшно отступилъ къ Эривани. Въ безсильной злобѣ онъ постарался выместить свои неудачи на бѣдномъ армянскомъ населеніи и даже хотѣлъ предать огню знаменитый Эчміадзинскій монастырь; но онъ былъ удержанъ отъ этого безумнаго намѣренія самими же татарами. «Сардаръ,—сказалъ ему одинъ изъ старѣйшихъ беконъ:—русскіе два раза были въ Эриванскомъ ханствѣ, два раза терпѣли пораженіе, но, уходя назадъ, никогда не оскорбляли магометанской святыни. Не дѣлай и ты этого съ христіанскимъ храмомъ. Вспомни: благословеніе монаховъ освятило мечъ непобѣдимаго шах-заде, и этимъ мечомъ онъ поразилъ турецкія полчища...» Монастырь уцѣлѣлъ.

Давыдовъ, между тѣмъ, быстро шелъ впередъ, 22-го сентября, на другой день послѣ мираскаго столкновенія, русскія войска уже вступили въ предѣлы Эриванскаго ханства. Но многолюдная страна встрѣтила ихъ непривѣтливой тишиной, какъ будто бы это была мертвая пустыня. Окрестныя деревни были пусты: татарское населеніе, объятое страхомъ, бѣжало, увлекая за собою и несчастныхъ армянъ. Давыдовъ подвергъ опустошенію семь вражескихъ селеній, встрѣтившихся ему на пути, и остановился только въ двухъ небольшихъ переходахъ отъ Эривани.

Для персіянъ это время было временемъ перехода отъ торжества и упоенія іюльскими побѣдами къ полному унынію; на ихъ землѣ стоялъ малочисленный, но сильный одушевленіемъ русскій отрядъ, и персіяне боялись мщенія за свое вѣроломное, предательское вторженіе. Самъ сардаръ заперся въ Эривань и даже крѣпостныя ворота приказалъ засыпать землею и камнями.

Съ минуты на минуту ожидали въ Эривани появленія Давыдова. Но пора наступательной войны еще не настала для русскихъ. Внести войну въ предѣлы персидскаго государства Ермоловъ считалъ рановременнымъ. Предстояла зима, которая прекращала въ горной странѣ удобныя сообщенія и создавала полную невозможность обезпечить дѣйствующія войска продовольствіемъ; обширный раіонъ прикаспійскихъ ханствъ не былъ еще усмирень и могъ получить гибельное значеніе въ случаѣ малѣйшей неудачи, если не отъ персидскихъ полчищъ, то отъ губительныхъ зимою мѣстныхъ климатическихъ условій. Война по плану Ермолова отлагалась до наступленія весны и появленія подножнаго корма. И вотъ, курьеръ привезъ Давыдову приказаніе отступить и возвратиться въ Джалаль-Оглы.

«Радъ сердечно успѣхамъ твоимъ,—писалъ ему Ермоловъ:—не досаую, что залетѣлъ ты слишкомъ далеко. Напротивъ, доволенъ тѣмъ, что ты сумѣлъ

воспользоваться обстоятельствами, ничего не дѣлая наудачу. Похваляю весьма скромность твою въ донесеніяхъ, которыя не омрачены наглою хвастливостью, и сужу объ успѣхахъ твоихъ дѣйствій по мѣсту, изъ котораго ты пишешь. Имѣй терпѣніе, не ронищи на бездѣйствіе, которое я налагаю на тебя; оно по общей связи дѣла необходимо».

28-го сентября Давыдовъ возвратился на Лорійскую степь и принялся за постройку въ Джалаль-Оглы небольшого укрѣпленія, которое должно было сторожить снѣговой Безобдалъ. Между тѣмъ наступила глубокая осень, выпавшіе снѣга въ горахъ сдѣлали Безобдалъ неприступнымъ для персидскихъ шаекъ, и отрядъ Давыдова былъ распущенъ. Самъ онъ возвратился въ Тифлисъ, въ главную квартиру. А когда, весною 1827 г., наступило вновь время военныхъ дѣйствій, Ермоловъ не былъ уже кавказскимъ главнокомандующимъ. вмѣстѣ съ нимъ сошелъ со сцены персидской войны и Давыдовъ, успѣвшій оставить на ней лишь мгновенный, но молніеносный слѣдъ.

Давыдовъ—пламенный боецъ!
Онъ вихремъ въ бой кровавый,
Онъ въ мѣрѣ счастливый пѣвецъ
Випа, любви и славы!..

(Жуковскій: «Пѣвецъ во стѣлѣ русскихъ воиновъ».)

Какъ ни извѣстны жизнь и дѣятельность знаменитаго партизана Давыдова, и какъ, съ другой стороны, ни мимолетно его участіе въ персидской войнѣ, тѣмъ не менѣе здѣсь, на рубежѣ вновь вспыхнувшей яркимъ пламенемъ его побѣдной звѣзды, не лишнее остановить вниманіе читателя на славномъ прошломъ и на послѣднихъ дняхъ этого война-поэта, русское сердце котораго всегда билось въ одинъ тактъ съ лучшими сердцами его времени.

Когда онъ, влекомый вѣчною жаждою подвига, явился на Кавказъ, за его старѣвшими плечами стояла уже длинная не годами, а испытаніями жизнь, и за его именемъ слѣдовала цѣлая эпопея подвиговъ, значеніе которыхъ приближалось къ легендарному.

Человѣкъ русскій, выражавшій въ лицѣ своемъ отличительныя качества истиннаго русскаго воина, Давыдовъ въ рядахъ арміи всегда пользовался необыкновенной извѣстностью—былъ родной ей, чего недоставало многимъ вождямъ, неумѣвшимъ затронуть русской струны въ сердцахъ солдата. И обстоятельства жизни сложились исключительно благо-

пріятно для развитія въ немъ чисто пароднаго воинственнаго духа. Дѣтство, проведенное подъ солдатской палаткой, среди Полтавскаго легко-копнаго полка, которымъ командовалъ его отецъ, одинъ изъ героевъ рымникской битвы, поэзія кочевого военного быта, наконецъ встрѣча съ великимъ Суворовымъ, мастерски впоследствии описанная самимъ Давыдовымъ, имѣли неотразимое вліяніе на весь уметвенный складъ ребска, одареннаго пламеннымъ воображеніемъ. Въ душѣ его вспыхнула искра любви къ военнымъ подвигамъ, и угасла она въ немъ только вмѣстѣ съ жизнію.

Давыдовъ началъ службу въ 1801 году, въ кавалергардахъ. Беззаботная столичная жизнь, быть можетъ, затянула бы другого въ типъ посредственности, но Давыдову довольно было случайнаго замѣчанія, чтобы онъ серьезно взглянулъ на свое призваніе. «Братъ Денисъ,—сказалъ ему однажды Коховскій, человекъ большого ума и обширнаго образованія:— что за солдатъ, который не надѣется быть фельдмаршаломъ, а ты не знаешь даже того, что нужно знать штабъ-офицеру». Самолюбіе юноши было сильно затронуто. Съ жаромъ принялся онъ за книги и скоро сталъ однимъ изъ образованнѣйшихъ по тому времени офицеровъ—знатокомъ русской военной исторіи. Въ то же время сказались въ немъ и первые проблески поэтическаго

таланта. Черезъ два года онъ уже былъ поручикомъ кавалергардовъ, «Но судьба, управляющая людьми, или люди, направляющіе ея удары», какъ выражается самъ Давыдовъ, принудили его въ 1804 г. перейти изъ гвардіи въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, расположенный въ Кіевской губерніи, въ окрестностяхъ Звенигородки.

Переводъ въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ былъ первою злою насмѣшкою судьбы надъ Давыдовымъ: онъ помѣшалъ ему участвовать съ кавалергардами въ знаменитомъ Аустерлицкомъ сраженіи, и когда, черезъ два года, Давыдовъ переведенъ былъ обратно въ гвардію, въ гусары, положеніе его среди товарищей одѣлалось истинно нестерпимымъ. «Въ полку—говоритъ Давыдовъ:—мы жили ладно; у насъ было болѣе дружбы, чѣмъ службы, болѣе разсказовъ, чѣмъ дѣла, болѣе золота на ташкахъ, чѣмъ въ ташкахъ, болѣе шампанскаго, чѣмъ печали... Всегда веселы и всегда навеселѣ!... Но мнѣ было 22 года отъ роду; я кипѣлъ честолюбіемъ, уставалъ отъ бездѣйствія, чахъ отъ избытка жизни... Оставивъ гвардію, еще не слыхавшую боевого выстрѣла, я провелъ два года въ полку, который не былъ въ дѣлѣ, и поступилъ обратно въ ту же гвардію, которая пришла изъ-подъ Аустерлица. Отъ меня пахло молокомъ, отъ нея несло порохомъ; я говорилъ о рвеніи моемъ—мнѣ показывали раны,

всегда для меня завидныя, или ордена, меня льстившіе. И не разъ вздохъ рошота на судьбу мою заструивалъ чашу радости».

Судьба, однакоже, продолжала смѣяться надъ нимъ. Новая война,—и Бѣлорусскій полкъ, изъ котораго Давыдовъ только что вышелъ, отправился въ походъ въ Пруссію, а гвардія, куда онъ поступилъ, — осталась на этотъ разъ на мѣстѣ. Долго хлопоты его попасть въ дѣйствующую армію были безуспѣшны. Наконецъ старанія его увѣнчались успѣхомъ,—онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ князю Багратиону.

Первое сраженіе, въ которомъ участвовалъ Давыдовъ, было Вольфсдорфское. Здѣсь онъ окурился порохомъ, и здѣсь же впервые ему пришлось обнажить свою гусарскую саблю. «Благородный царь крови курился и на ея лезвіи» — говоритъ Давыдовъ, описывая свои первыя боевыя впечатлѣнія. Отгремѣла Прейсишъ-Эйлауская битва, не имѣющая въ позднѣйшей исторіи равной себѣ по кровопролитію, кромѣ Бородинскаго побоища, которое впрочемъ едва-едва превышало ее потерями сражавшихся. «Чортъ знаетъ — говоритъ Давыдовъ, описывая, спустя много лѣтъ послѣ того, это сраженіе,— какія тучи ядеръ пролетали, гудѣли, сыпались, прыгали вокругъ меня, рыли по всеѣмъ направленіямъ сомкнутыя громады войскъ нашихъ, какія тучи гра-